

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

ТАНГУТЫ в Центральной Азии

*Сборник статей
в честь 80-летия
профессора Е.И.Кычанова*

МОСКВА
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т18

*Издание выполнено при поддержке
Фонда Цзян Цзин-го
(Chiang Ching-kuo Foundation for
International Scholarly Exchange), Тайвань*

Составитель и ответственный редактор
И.Ф. Попова

Тангуты в Центральной Азии : сб. ст. в честь 80-летия проф. Е.И. Кычанова / сост. и отв. ред. И.Ф. Попова ; Ин-т восточных рукописей РАН. — М. : Вост. лит., 2012. — 501 с. : ил. — ISBN 978-5-02-036505-6 (в пер.)

Сборник, в который вошли статьи отечественных и зарубежных ученых, посвящен 80-летию известного российского востоковеда, доктора исторических наук, профессора Е.И. Кычанова. Проблематика сборника задана основными доминантами многолетнего исследовательского творчества юбиляра, который, являясь в первую очередь тангутоведом и опираясь на широчайшую источниковедческую базу, блестяще разработал многие актуальные проблемы истории государственности, права, этногенеза, письменного наследия народов Китая и Центральной Азии. Большинство авторов статей постарались показать, как вопросы, поставленные в свое время в работах Е.И. Кычанова, получили дальнейшее развитие в науке.

ISBN 978-5-02-036505-6

© Институт восточных рукописей РАН, 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательская фирма
«Восточная литература», 2012

«Улус» в монгольских летописях XVII в.

Энциклопедически образованный ученый Е.И. Кычанов уделяет много внимания изучению кочевых обществ и роли кочевников в истории Центральной Азии. В своих трудах он неоднократно обращается и к исследованию монгольского общества периода империи, а также более позднего времени — Халхи XVII в.¹ В данной статье, рассматривающей употребление термина «улус» в летописях XVII в., представлены все значения этого термина, актуальные для своего времени.

В идентификационных практиках XVII в. термин «улус» часто встречается со словом «монгол», причем в сочетании («монгол улус») эти слова могут передавать, хотя и довольно редко, такое понятие, как «Монголия». Прежде чем начать изложение всех значений термина «улус», хотелось бы сказать несколько слов о другом словосочетании, которое также употребляется для обозначения территории проживания монголов — *Mongγol-un γajar* («монгольская земля»), может быть даже в смысле «страна» («страна монголов»)². Это понятие использовалось как для характеристики предшествовавшего периода, так и для описываемого настоящего. Сакья-пандиту пригласили распространять буддизм «в монгольской земле» (монг. *kijaγar Mongγol-un γajar-a*³). Далай-лама III отметил, что в монгольской земле много луусов, шимнусов, онгонов и проч.⁴ Упоминается распространение «ханского рода на монгольской земле Бэдэ» (монг. *Bede mongγol-un γajar-a qad-un ugu*⁵).

Интересны употребления термина *ulus* в описании событий, относящихся к наиболее ранним временам. Так, в летописи XVIII в. «Шара туджи» этот термин впервые упоминается в связи с Бортэ-Чино, предком монголов, кото-

¹ Кычанов 2010, с. 202–238, 280–282.

² ЕТ 1990, р. 84, 87, 140, 157, 169, 177, 179.

³ ЕТ 1990, р. 82.

⁴ ЕТ 1990, р. 148.

⁵ ЕТ 1990, р. 46.

рого автор летописи представляет, в соответствии с буддийской традицией, как потомка тибетского правителя: «Тушемил Алтан Сандалиту-хугана, по имени Лонгам, хана убил. Когда этот тушемил на ханский престол воссел, то младший сын Алтан Сандалиту-хагана Буртэ Чино ушел в землю Гонбо, там не прижился и, взяв жену свою по имени Гоа Марал, переправился на восточную сторону моря Тэнгис, достиг горы Бурхан Халдун [и] встретил народ по имени Бида (монг. *Bida kemekü ulus-tu jolγaju*⁶). Когда [он] рассказал о своих обстоятельствах, то тот народ Бида, посоветовавшись между собой, поставил его нойоном»⁷ (монг. *Siltayan-iyar ögülegsen-dür tere bida kemekü ulus kelelčejü noyar bolγabai*⁸). Безусловно, встретить можно было только людей, причем этот народ, называвшийся Бида, обсуждал (в монгольском тексте выражение *ulus kele[lčej]ü* определенно указывает на совместные действия группы людей) вопрос о прибытии Бортэ-Чино и избрании его своим главой.

Последующие сведения источника, отражающие деятельность Чингис-хана по расширению власти монголов, с достаточной степенью уверенности подтверждают это значение термина *ulus*. Чингис-хану приписываются, например, следующие слова: «Подобный сокровищнице весь великий народ мой»⁹ (монг. *Güü sang metü güр yeke ulus mini*¹⁰). Далее говорится: «Когда соединял и собирал воедино великий народ... Когда собирал обширные многие народы»¹¹ (монг. *Yeke ulus-i joban жүgejü жүggele quriyaqu čay-tur... eng olan ulus-i quriyaqu-dur*¹²); этот же термин встречается в словах сунитского Хилугэтэй-Багатура: «С поспешностью собранный, твой народ рассеется... Прежде соединенный, народ твой станет чужим»¹³ (монг. *Qamuy-un жүgegsen ulus činu tarqamji. ...üris-ün жүgegsen ulus činu öber kümüni болон тарqamji*¹⁴). Именно в этом значении (люди, народ) употреблен термин *ulus* и в словах, сказанных нукеру Чингис-хана Боорчи его женой по имени Тэгусхэн Гоа: «Ты встретился раньше создания всего, собирал все народы... когда великие милости даны были ныне всему великому народу. То как же забыл одного тебя?»¹⁵ (монг. *Bütügü-yin urida učiraju бүкүи ulusi quriyalčacu : burin yeke törü-yi inu qasilčaju. ...edüge narmai yeke ulus-tu yeke qayira boltala : γayča čimai ese durasuγsan yaγun bui*¹⁶). Ясно, что собрать и одарить милостями можно только людей. Когда речь идет о покорении противника, его захвате и приведении к покорности, то имеются в виду именно люди. В связи с этим представляется верным перевод термина *ulus*, предложенный Н.П. Шастиной при описании по-

⁶ ШТ 1957, с. 21.

⁷ ШТ 1957, с. 127.

⁸ ШТ 1957, с. 21.

⁹ ШТ 1957, с. 133.

¹⁰ ШТ 1957, с. 35.

¹¹ ШТ 1957: 133–134.

¹² ШТ 1957, с. 36.

¹³ ШТ 1957, с. 134.

¹⁴ ШТ 1957, с. 37.

¹⁵ ШТ 1957, с. 130.

¹⁶ ШТ 1957, с. 29.

беды Чингис-хана над карлукским Арслан-хаганом, которого он убил, «а народ покорил»¹⁷ (монг. *Ulusı inu ababai*¹⁸). Это значение подтверждается другими свидетельствами источника: «В некоторых источниках сказано: в год собаки Чингис-хаган отправился в поход на тангутский народ (монг. *Tangyud irgen-e ayalabai*¹⁹)... Богурджи (Боорчи. — Т.С.) и Мухули повеление сделал: „Людей Джуйин из китайского народа вы оба себе возьмите“»²⁰ (монг. *Kitad irgen-eče juin irgen-i ta qoyar ab*²¹). Мы видим, что *Ulusı inu ababai* в первом случае синонимично *irgen-i ...ab* в последнем. А *irgen*, как известно, имеет лишь одно значение — люди.

В качестве идентификационных маркеров границ общности, образованной Чингис-ханом, используются разные обозначения. Прежде всего это обозначение собственно монгольской общности: «Подобным образом понемногу собрал товарищей, также покорил сорок тумэнов монгольского народа (монг. *Tere metü ulam nöbür nemejü basa tayilču abču döčün tümen mongyol ulusı oroölči*²²) и двадцати восьми лет от роду в Худо-Арал на Керулене стал хаганом»²³. В данном случае используется маркер общности, не употреблявшийся в XIII в. и сложившийся позже, — сорок тумэнов монгольского народа²⁴.

Новый, не встречавшийся в эпоху великого завоевателя его образ в качестве вселенского монарха можно видеть в следующих словах, приписываемых Чингис-хану: «По велению отца моего небесного Хормуста тэнгри покорил я двенадцать великих хаганов всего мира, завершил большую часть великих дел, ныне спокойно жить буду»²⁵ (монг. *Tngri qormusta tngri ečige-yügen jarliü-iyar delekei dakin-u arbrn qoyar yеке qayarı-i : erke-degen oroölju : yerü yekengki üiles-iyen tegüsgebei bi*²⁶). В данном примере число двенадцать обозначает горизонтальную модель мира, который цивилизуется нахождением в его центре персоны Чингис-хана. Подобная модель отмечается в «Шара туджи» и для Хубилая, который, «летом пребывая в городе Шанду Хэйбун Хурду, зимой в городе Ихэ Дайду, четырех народов не допуская до потрясений, восьми

¹⁷ ШТ 1957, с. 128.

¹⁸ ШТ 1957, с. 24.

¹⁹ ШТ 1957, с. 32.

²⁰ ШТ 1957, с. 132.

²¹ ШТ 1957, с. 33.

²² ШТ 1957, с. 22.

²³ ШТ 1957, с. 128.

²⁴ Представление о монголах как общности сорока тумэнов предположительно относится ко времени Юаньской династии, поскольку в «Шара туджи» имеются сведения о том, что при изгнании Тогон Тэмура из Китая «из сорока тумэнов монголов вышли [лишь] шесть тумэнов» (ШТ 1957, с. 140), монг. *döčün tümen mongyol-un jirguyan tümen inu yarbai* (ШТ 1957, с. 57). И хотя, как указано выше, из Китая вышло только шесть тумэнов монголов, однако и позже, во времена Эсэна, монголы обозначались как сообщество сорока тумэнов, о чем свидетельствуют его слова, сказанные своему прислужнику Инаг Хэрэ: «Испытай Сорок и Четырех» (ШТ 1957, с. 145), монг. *döčün dörben-i tengse* (ШТ 1957, с. 85), где число сорок обозначает монголов, а четыре — ойратов.

²⁵ ШТ 1957, с. 131.

²⁶ ШТ 1957, с. 39.

границ не колебля (монг. *dörben ulusı ülü tengselgen : naiman kijayar-i ülü nisayalayan*²⁷), установил всеобщее спокойствие и счастье»²⁸. В летописях XVII в. встречается и модель, известная по «Сокровенному сказанию», только Чингис-хан здесь не является сыном Неба, а приобретает буддийскую окраску: «хубилган Чингис-хаган и покорил пять цветных и четыре чужих народа»²⁹ (монг. *Tabun öngge dörben qarı ulusi erkedegen oroγuluγsan anu*³⁰).

Естественно, центром вселенной в эпоху Чингис-хана являются монголы — *mongγol ulus*. Согласно Саган-Сэцэну, Чингис-хан заявляет, что с этого времени *Köke mongγol* будет называться *Köke ulus mongγol* или же *Köke mongγol ulus*³¹. Неустойчивость словосочетания (разное написание в разных версиях ЕТ) позволяет предположить, что данный идентификационный маркер еще не закрепился в политической практике XVII в. Первый вариант трудно поддается переводу, поскольку термин *ulus* не оформлен грамматически. Если бы он был в родительном падеже, то его можно было бы перевести как «монголы синего улуса». Второй вариант может иметь два значения. Первое — «улус синих монголов» (в значении политии), второе — «синие монголы» (в значении «народ»). Возможность второго значения подтверждается и следующим пассажем, также относящимся ко времени Чингис-хана. В речи сунитского Гилугэн-багатура, обращенной к последнему, упоминаются *urγumal aγul albatu Mongγol ulus cinu*³² («увеличивающиеся в числе (разрастающиеся) подданные — монгольский народ твой»)³³. В данном контексте словосочетанием *Mongγol ulus* совершенно определенно обозначаются люди, поскольку оно сопровождается определением «те, которые приносят дань» — подданные.

Словосочетание *Mongγol ulus* в тексте «Эрдэнийн товчи» встречается довольно часто. В период «малых ханов» ойратский Батула-чинсанг убил монгольского Элбэг-хагана, захватил его сына Олдзэйту-хунтайджи и «подчинил себе (здесь и далее курсив мой. — Т.С.) большую часть монгольского народа» (монг. *Mongγol ulus-un yekengki-gi anu oroγuluγsan ajuγu*³⁴). Здесь *Mongγol ulus*

²⁷ ШТ 1957, с. 50.

²⁸ ШТ 1957, с. 139.

²⁹ ШТ 1957, с. 128.

³⁰ ШТ 1957, с. 22.

³¹ ЕТ 1990, р. 56.

³² ЕТ 1990, р. 82.

³³ Аналогичное значение термина *ulus* в плаче сунитского Хилугээтэй-Багатура по поводу смерти Чингис-хана мы находим в «Шара туджи»: «„Когда обеспокоился весь великий народ... Весь великий народ свой покинул... Силою собранный народ твой... Издавна собранный народ твой... Все возрастающие народы твои... Многочисленный монгольский народ твой...Весь говорящий народ твой... Все целиком народы твои... Ты отвернулся ли от своего старого монгольского народа, государь мой?“. Когда так сказал, то хан-государь соблаговолил, и одноколка, скрипя, двинулась. Весь народ обрадовался» [ШТ 1957, с. 135–137] (монг. *gür yeke ulus jobaquidur... güri yeke ulus-ıyan orkiju... albala bayıγuluγsan ulus cinu... urida jögegsen ulus cinu... urγumal ulus irgen cinu... olan mongγol ulus cinu... kelekü bügüde ulus cinu... qotala bügüde ulus cinu... qayučin mongγol ulus-ıyan tebçibü çi ejen minu... qamuγ ulus[-dur cinu üjigülüy-e ni]... qamuγ ulus bayasqulang-tu bolbai* [ШТ 1957, с. 40–43]).

³⁴ ЕТ 1990, р. 101.

может нести в себе оба смысла и выступать как в качестве политонима «монгольский улус», так и в качестве этнонима (монгольский народ, монголы). Mongyol ulus является объектом действия и имеет амбивалентное значение также в следующих двух контекстах: «Монгольский улус *силой возьму*» (монг. *Mongyol ulus kücün-iyer buliyaju odumu*³⁵); «так как я *не хочу навредить* монгольскому улусу, а ты думаешь о торо, требуй своих нойонов миром» (монг. *bi Mongyol ulus-tur maγui ülü kikü-yin tula : ta tögö-yi sanaju : pouan-iyau eye-ber nekekü bügesü*³⁶). В данных случаях речь может идти и о монгольском улусе как о политике, и о монголах как об этнической общности в противовес ойратам.

Впоследствии, во времена Эсэху-хагана, у ойратов тайком выкрали Олдзэйту-хунгоа, Адзай-тайджи и Аругтай-тайши и «отправили их к их родственникам к монголам» (монг. *törküm-dür-iyen Mongyol ulus-tur ileger-ün*³⁷). Этот последний случай также связан с понятием «народ, люди» и имеет этнические коннотации, поскольку подчеркивает кровнородственную связь. Можно с большой долей уверенности приписать это последнее значение понятия и в следующем случае, поскольку речь идет о собирании множества, т.е. людей, народа: «После этого в короткий срок *собрали* монгольский народ» (монг. *tegünü qoyina Mongyol ulus qogomqan jaγur-a tökögerün бүкүйе*³⁸), и ханом стал старший сын Элбэг-хагана Гун-Тэмур, который правил три года.

Безусловное значение словосочетания Mongyol ulus как «монгольский народ, монголы» отмечается и в других контекстах, например в поговорке: «У монголов мудрости мало, гордости много» (*Mongyol ulus-un bilig ücükен : омоу yeke*³⁹). Другой пример связан с ситуацией, когда Далай-лама приехал в Монголию и «увидел своими глазами, как *грешит* монгольский народ» (*Mongyol ulus-i nigülesküi-yin nidün-iyer üjen*⁴⁰). Следует обратить внимание на то, что здесь Mongyol ulus выступает субъектом действия, как и в следующем случае: «в то время как монголы *опасались* за свои окраины» (монг. *jaq-a-daki Mongyol ulus emiyejü yabun atala*⁴¹).

Вместе с тем Mongyol ulus выступает в качестве политонима в случаях, когда приводится сравнительное обозначение Монголии — прежней (сорок тумэнов) и периода XVII в. (шесть тумэнов): «если *разрушить* нынешний улус шести тумэнов, оставшихся от Монголии прежних сорока тумэнов» (монг. *erten-ü döcin tümen Mongyol ulus-aca ülegsен : eneküken jirγuyan tümen ulus-i ebdebesü*⁴²). И сорокатымэнный монгольский улус, и шеститумэнный улус являются объектами влияния внешних субъектов: их можно разделить, оставив часть; их можно разрушить.

³⁵ ЕТ 1990, р. 179.

³⁶ ЕТ 1990, р. 183.

³⁷ ЕТ 1990, р. 103.

³⁸ ЕТ 1990, р. 102.

³⁹ ЕТ 1990, р. 166.

⁴⁰ ЕТ 1990, р. 166.

⁴¹ ЕТ 1990, р. 183.

⁴² ЕТ 1990, р. 131.

Вышеуказанные примеры постоянно демонстрируют неразрывную связь улуса с правителем. Отсутствие границы между правителем (ханом/хаганом) и его владением (улусом) свидетельствует об антропоморфизации политической власти. С одной стороны, владение (улус) выступает в качестве его богатства, с другой стороны, улус как сообщество подданных является объектом, к которому хаган проявляет патерналистское отношение в качестве «владыки» (*ejen / qan ejen / qaγan ejen / ulus-un ejen /ejen boyda / tenggelig boyda ejen*), обозначаемого как «хаган-отец» (*qaγan eciγe*⁴³). Вышеперечисленные термины, безусловно, указывают на то, что правитель является владельцем, хозяином улуса, что, вероятно, произошло от первоначального обозначения владения кем-либо или чем-либо, например домохозяйством. Даже послы воплощали частичку статуса правителя и обозначались не как посланники страны, а как его представители. Так, прибывшие к Далай-ламе послы из Китая и от чахаров обозначаются как «послы китайского минского императора Ванли... послы чахарского Тумэн-хагана» (монг. *Kitad-un Daiming Vanli qaγan-u elcis... Saqar-un Tümen qaγan-u elcis*⁴⁴).

Выражение *ulus-un ejen*, которое можно интерпретировать как «владыка улуса», является распространенным словосочетанием: *Magada ulus-un ejen*⁴⁵; *Kaci ulus-un ejen*⁴⁶; «владелец улуса, называемого „Монгольский“, перерожденец бодисатвы хаган по имени Годан» (монг. *Mongγol kemekü ulus-un ejen anu bodisadu-yin qubilyan Köden neretü qaγan*⁴⁷); «Пусть Даян владеет улусом... [сказала Мандухай и] воспитала владыку улуса Даян-хагана» (монг. *dayan ulus-i ejelekü boltuγai... ulus-un ejen Dayan qaγan-i ükertür tegejü*⁴⁸). Владыкой улуса называет Даян-хана и «Шара туджи»: «Мудрая Сэцэн Мандухай-хатун, свернув узлом на макушке свои волосы, посадив Даян-хагана, владыку народа (монг. *ulusun ejen dayan qaγan*⁴⁹), в повозку, сама предводительствуя, отправилась в поход»⁵⁰.

Как видим, констатация статуса хагана как владыки (владельца, господина) улуса сопровождается фиксацией факта владения (*ulus-i ejelekü*) или овладения (*ulus-i abcu*) улусом. Так, тангутский Шидургу-хаган сказал: «Я владел всем улусом до недавнего времени, я ли не хаган» (монг. *qamγu ulus-i ejelen baγaγ-a edüi-e : qaγan buyu bi*⁵¹); Чингис-хан говорит: «владею моим внешним пятицветным улусом» (*γadaγadu tabun öngge ulus-i minu ejelejü*⁵²), которые он завоевал и стал владыкой, что следует из следующего текста: «Владыка-богдо по имени Темучжин [сказал]: „Пойду, захвачу улусы разных сторон (досл.:

⁴³ ЕТ 1990, р. 13, 186.

⁴⁴ ЕТ 1990, р. 165.

⁴⁵ ЕТ 1990, р. 11.

⁴⁶ ЕТ 1990, р. 12.

⁴⁷ ЕТ 1990, р. 84.

⁴⁸ ЕТ 1990, р. 123.

⁴⁹ ШТ 1957, с. 72.

⁵⁰ ШТ 1957, с. 148.

⁵¹ ЕТ 1990, р. 69.

⁵² ЕТ 1990, р. 75.

там-сям расположенные. — *Т.С.*)» (монг. *ejen boγda Temüjin kemekü : endeki tendeki ulus-i abcu yabunam*⁵³). О Тогон-Тэмуре сообщается, что он «властвует во внешнем улусе» (монг. *γadaγatu ulus-tur ejerken yabuqu*⁵⁴).

Таким образом, мы прежде всего отмечаем те случаи употребления термина, которые несут его первоначальное значение — *народ, люди*. Наиболее показательными являются фразы типа «Тот самый народ страны Шамбала» (монг. *Sambala-yin oγon-u terekü ulus*⁵⁵), где эксплицитно названы жители страны. Подобное значение можно отметить и в следующем случае: «Подвластные люди (подданные. — *Т.С.*) местности Гамсу во множестве приняли великую добродетельную парамиту (монг. *Gamsu-yin γajar-tur qariyatu ulus : saγlasi ügei yeke buyan barmaid-I ergün*⁵⁶). Не вызывает сомнений значение термина «улус» и в пересказе известного сюжета, связанного с Бодончаром, жившим среди людей, у которых не было правителя и которые впоследствии стали подданными монголов. Саган-сэцэн пишет: «У тех людей спросили... когда на тот безродный народ напали и захватили» (монг. *tere ulus-aca surabasu... tere oγorcaγ ulus-i duγulju abqui-dur*⁵⁷). Безусловно, то же значение отмечается и в том случае, когда Есугэй сосватал Темучину невесту и, оставив его там, сам отправился домой. В это время «татары (татарский народ. — *Т.С.*) устроили пир» (монг. *Tatar ulus qurimlan*⁵⁸), и Есугэй «вошел в юрту дружественного народа» (монг. *amaray ulus-un gerte oroju*⁵⁹), где его, как известно, отравили. Упоминаются народы кочующие (*ködelkü ulus*)⁶⁰ и оседлые (*saγuqui ulus*)⁶¹.

Народ можно *захватить* (*abqu*), как в случае, когда («захватили тридцать одно кочевье и людей» (монг. *γucin nigen nutuγ ulus-i abcu*⁶²), где, как видим, отдельно упоминаются люди и территория, на которой они кочуют. А когда речь идет о военном походе Алтан-хана на Тибет, то сообщается, что он «захватил людей» (монг. *ulus irgen kiged-i aγulju abun*⁶³), на что прямо указывает парное слово *ulus irgen* — люди. В значении *захватить* используется и другой глагол — *buliyaqu*. «Монголов захвачу силой» (монг. *Mongγol ulus kücün-iyer buliyaju odumu*⁶⁴). О том, что улус — это люди, свидетельствует и следующая фраза, сообщающая о том, что он «разграбил и захватил людей и скот» (монг. *ulus mal-i talaju abun*⁶⁵). О захвате людей говорится в тексте, рассказывающем о военном походе Алтан-хана на ойратов, когда он, убив Мани-

⁵³ ЕТ 1990, р. 71.

⁵⁴ ЕТ 1990, р. 91.

⁵⁵ ЕТ 1990, р. 174.

⁵⁶ ЕТ 1990, р. 160.

⁵⁷ ЕТ 1990, р. 49.

⁵⁸ ЕТ 1990, р. 51.

⁵⁹ ЕТ 1990, р. 52.

⁶⁰ ЕТ 1990, р. 153.

⁶¹ ЕТ 1990, р. 72.

⁶² ЕТ 1990, р. 58.

⁶³ ЕТ 1990, р. 139.

⁶⁴ ЕТ 1990, р. 179.

⁶⁵ ЕТ 1990, р. 141.

минггату, «захватил всех людей» (монг. ulus бүгүдe-yi oгоулуju абууад⁶⁶) вместе с его вдовой — Джигэхэн-ага-пукпуш и сыновьями Тохоем и Бохэгүтэем. Здесь глаголу abqu сопутствует глагол oгоулуqu (приводить), что, безусловно, отмечает факт пленения людей во главе с их ханшей и принцами. В значении *привести кого-либо* в свои владения используется и глагол *tataqu* (тянуть): «поскольку народ привели издалека» (монг. qоla-yin ulus-i tataqu-yin tula⁶⁷). Можно также «привести людей [рода] уджиед» (монг. Üjiyed ulus күргеjü⁶⁸). Именно о людях идет речь, когда обсуждается вопрос, как *делить* их после смерти правителя в случае отсутствия прямых наследников. У Алтан-зулахатун, жены Бадма-самбау, детей не было. «Как мы будем делить людей, принадлежавших Бадме?» (Badm-a үygen ulus-i bida yakin qubiyamui)⁶⁹.

С народом можно *объединяться* и можно его *собирать*: «Старшие и младшие братья (принадлежавшие к Золотому роду. — Т.С.) соединились со своим великим народом» (монг. аq-a degüü yeke ulus-lуyaban neyileldün) и «собрали весь народ» (монг. narmai yeke ulus-i quruyan суyлаулуju⁷⁰) во главе с великими и малыми нойонами ордосского тумэна. В плаче Тогон-Тэмура мы также обнаруживаем эту тему — соби́рание народа правителем под своей эгидой: «Сыном Хан-Тэнгри Чингис-хаганом собранный воедино народ брошен мною... Собранный, соединенный народ свой я покинул»⁷¹ (монг. qan tngri-yin köbegün Ćinggis qayan-u jögegsen ulus-i örkijü... qamur-un jögegsen ulus-i ni örkijü⁷²).

В следующем отрывке прослеживается явная синонимичность в употреблении терминов «улус» и «тумэн» в эпоху правления Лигдан-хагана: «Вследствие прежних деяний у ханов и простого народа шести тумэнов увеличилось стремление к неподчинению. Не сумел уговорить их мирным путем. Тогда силою собрав шесть великих народов, тридцать один год на ханском престоле сидел»⁷³ (монг. jirγuγan yeke ulusi küjig-iyer qurйауад⁷⁴). Это позволяет предположить, что, как и во времена Чингис-хана, термином «улус» обозначалась некая достаточно устойчивая общность — полития. Подтверждением этого может служить следующая цитата из «Шара туджи»: «Гүдэн-хан, драгоценную великую державу усмирив, весь великий народ покоем осчастливил»⁷⁵ (монг. güden qayan qas yeke törü-yi töbsitkejü: güр yeke ulusi engke jirγауулju⁷⁶). Политийность понятия yeke ulus подкрепляется сопровождающим его словом — güг, что уже в XIII в. маркировало иерархически структурированное

⁶⁶ ЕТ 1990, р. 138.

⁶⁷ ЕТ 1990, р. 60.

⁶⁸ ЕТ 1990, р. 187.

⁶⁹ ЕТ 1990, р. 138.

⁷⁰ ЕТ 1990, р. 181.

⁷¹ ШТ 1957, с. 142.

⁷² ШТ 1957, с. 55.

⁷³ ШТ 1957, с. 150.

⁷⁴ ШТ 1957, с. 76.

⁷⁵ ШТ 1957, с. 149.

⁷⁶ ШТ 1957, с. 74.

сложное сообщество. Гарантом его стабильности был правитель — проводник универсального закона вселенной, о чем, собственно, и сообщает источник: Гудэн-хаган цивилизовал и гармонизировал пространство социума благодаря связи с *tögü*⁷⁷. Причем правящая верхушка, как мы видим, отделена от народа, на что указывает и случай с пленением Дзайсан-нойона и преследованием его ханши, сыновей и людей (монг. *qatun köbegüd ulus inu nekejü kelelceküi-e*⁷⁸) и упоминание о Монголии времен Лигдан-хагана: «хан и простолюдины шести тумэнов» (*jigüγan tümen-i qan qaraču*)⁷⁹.

Для обозначения подданных, которые платят дань, используются разные термины — *albatu*, *qaralmai*. Так, Чингис-хан говорит «весь подданный народ мой» (монг. *yerüngkei albatu yeke ulus minu*⁸⁰). В своей речи перед смертью он, перечисляя самое ценное в его жизни, разделяет народ и землю: «подданный народ мой, любимая земля моя» (монг. *qaralmai ulus minu : qairan үajar minu*⁸¹).

Завоевания ведут к *приумножению* подданных: «приумножить людей, которые платят дань» (монг. *albatu ulus oldaqu*⁸²). Хонгирадский Вчир-сэцэн сказал: «Владыка мой... пусть твоих подданных будет много» (монг. *ejen minu... albatu ulus cinu elbeg boltuγai*⁸³). Улус можно *разорить* (*ebdekü*). Так, ордосские монголы напали на приграничный район Китая и «разорили земли и людей» (монг. *үajar ulus-i inu ebden yabuqui-dur*⁸⁴). Когда Алтан-хан пошел на Китай и «разорил земли и людей, китайцы (китайский народ) очень испугались» (монг. *үajad ulus-i inu ebdejü jobayan yabuqui-dur : Kitad ulus yekede ауују*⁸⁵). После этого он получил от китайцев титул и золотую печать.

Как видим, подданные обозначаются и другим термином (*qaralmai*), который употребляется неоднократно. Бортэ говорит: «Не любовь ли Бортэ, не смелость ли подданных — сила моего хана-владыки?» (монг. *Börte jüsin-ü duran buyu : qaralmai yeke ulus-un jorigü buyu : qan ejen-ü man-i kücün bui j-e*⁸⁶). Подданные в монгольском тексте переданы выражением *qaralmai yeke ulus* (досл. «подданный великий народ»), в котором перевод значения *ulus* как народ продиктован контекстом — смелость народа. Контекстуально подтверждается это значение слова *ulus* (народ, люди) и при характеристике Чингис-хана: «августейший владыка проявляет любовь к своим подданным» (монг. *boγda ejen qaralmai ulus-tayan qayira kijü*⁸⁷). Показателен также плач сунитско-

⁷⁷ На мой взгляд, Н.П. Шастина предложила неточный перевод фразы *qas yeke töri-yi töbsit-kejü* («драгоценную великую державу усмир»). Ее, скорее всего, следует читать так: «установил яшмовое великое *tögi*» (о *tögi* см. далее в этой статье).

⁷⁸ ЕТ 1990, р. 183.

⁷⁹ ШТ 1957, с. 76.

⁸⁰ ЕТ 1990, р. 75.

⁸¹ ЕТ 1990, р. 80.

⁸² ЕТ 1990, р. 57.

⁸³ ЕТ 1990, р. 69.

⁸⁴ ЕТ 1990, р. 182.

⁸⁵ ЕТ 1990, р. 138.

⁸⁶ ЕТ 1990, р. 60.

⁸⁷ ЕТ 1990, р. 73.

го Гилугэна по смерти Чингис-хана, в котором неоднократно упоминаются подданные, страдающие после смерти владыки: «подданный великий народ твой рассеялся» (монг. qaralmai yeke ulus cinu qay-a kereg tarqamj-e), «подданные твои стали ничтожными» (монг. albatu ulus cinu esügüyidem j-e), «любимый великий народ твой рассеялся» (монг. qayıran yeke ulus cinu tarqamje⁸⁸). На то, что улус означает множество, а не государство, указывает фраза из этого плача: «Весь великий народ оплакивает тебя» (монг. qamuy yeke ulus anu küilen qayılan yabuqui-a⁸⁹).

Позитивный характер связи правителя со своим народом подчеркивается тогда, когда автор хроники желает выделить выдающиеся результаты его деятельности. Этот аспект широко позиционируется в биографическом сочинении, посвященном Алтан-хану. Когда Алтан-хану было 13 лет, умер его отец. Тогда тремя правыми тумэнами стали владеть Эрхэту-Мэргэн-джинон и Алтан-хаган совместно с младшими братьями. Они «тщательно управляли великим народом» (монг. Todorqai-a yeke ulus-i jiluyadun jalaju⁹⁰). Следует обратить внимание на определение Мэргэн-джинона как владыки народа: «Владыка народа Эрдэни Мэргэн-джинон и Алтан-хаган были людьми» (монг. Ulusun ejen Erdeni mergen jinong altan qayan qoyayula⁹¹), мысли которых беззаботны, смелы и дружелюбны. Можно уверенно утверждать, что во всех вышецитированных отрывках речь идет скорее о народе, чем о политике. В 1524 г. на туматов напали урянхайские Торой-нойон и Гэрэбэлэд-чинсанг, которые убили Басуд-Уринтэя и «захватили поселения и людей» (монг. küriy-e ulus-i egereküi⁹²), а в 1538 г. они же разграбили «народ и юрты»⁹³. Оба раза Мэргэн-джинон и Алтан-хаган разбивали тумэн урянханов и останавливались перед белыми юртами.

Взяв три правых тумэна белых юрт владыки Эрдэни, Мэргэн-джинон и Алтан-хаган остановились на южном склоне Хангая; взяв Эши-хатун (главную жену Тулуя, т.е. ее реликвии, хранящиеся в восьми белых юртах) и три левых тумэна, остановились на северном склоне Хангая. «Выдающийся великий народ кочевал там в 1538 г., набирая силы. Великий народ шести тумэнов сел на коней и атаковал» (монг. Erkin yeke ulus noqai jil-e tende nutuyaju . taruyalayad sasa. Juyuyan tümen yeke ulus mordaju dobtuluysan⁹⁴). И урянханы были побеждены счастливой харизмой (*сюр-тур*). Победив врагов, «великий народ возрадовался» (монг. yeke ulus bayasqulang-tan bolju⁹⁵). «Великий народ, радуясь, там кочевал» (монг. yeke ulus bayasuyad tende nutuyaju⁹⁶). Когда же Алтан-хагана не стало, «мысли всего великого народа не были спокойны.

⁸⁸ ET 1990, p. 80.

⁸⁹ ET 1990, p. 81.

⁹⁰ ETNS 2001, s. 156.

⁹¹ ETNS 2001, s. 157.

⁹² ETNS 2001, s. 156.

⁹³ ETNS 2001, s. 159.

⁹⁴ ETNS 2001, s. 159.

⁹⁵ ETNS 2001, s. 159.

⁹⁶ ETNS 2001, s. 164.

...Весь великий народ печалился от горя и скорби» (монг. *Qamuу yeke ulus-un setkil ülü amun... Tegsi qamuу yeke ulus ʏasal-un sinal-un enelgegejü*⁹⁷).

Глаголы, с которыми употребляется словосочетание *yeke ulus* (сесть на коней, атаковать, радоваться, печалиться, кочевать), как и в других случаях, позволяют с полной определенностью говорить о том, что речь идет не о государстве, а о людях. Именно весь народ может собраться, чтобы участвовать в избрании хагана. «Шесть монгольских тумэнов собрались перед юртой, обладающей харизмой хана, поклонившись священным предметам у лиственницы, перед владыкой весь великий народ Боди-хагану дал титул „күдэнг-хаган“» (монг. *Qan suu-tu сауан ger-ün emün-e жігууан түмен сіулууад. Qar-a modun-u dergede bolʏan qutuу-tur mörgöjü ejen-ü emün-e-ece. Qamuу yeke ulus bodi qaуan-dur күдэнг qaуан cola ögbe*⁹⁸). Если в этом случае используется выражение «весь великий народ», то ниже мы отмечаем употребление иного выражения к этому же факту собрания шести тумэнов в связи с инаугурацией Боди-хагана — «Шести[тумэнный] великий народ» (монг. *жігууан yeke ulus*⁹⁹). И именно людей можно взять, чтобы пойти на завоевание: «Взяв множество своего народа, пошли на Южный Китай» (монг. *yeke ulus-iуan абуад nanggiуad-tur ауалaju*¹⁰⁰); «Взяв бесчисленное количество людей, Алтан-хаган пошел на Китай» (монг. *Сауласи үгеи yeke ulus-iуan абуад алтан qaуан kitad-tur ауалaju*¹⁰¹).

Правитель, в свою очередь, заботился о людях. Так, например, упоминается Мэргэн-джинон, который подчинил своей власти неприятеля, «заботился о своих младших братьях и своем народе, постоянно возвышал закон» (монг. *Öber-ün degüner ulus-iуan asaran tedkүjü. Ülemji törö yosun-i жілуадun*¹⁰²). Поскольку «удивительный Мэргэн-хара стал опорой торо, дали [ему] титул „мэргэн джинон“» (монг. *Гауіqamsiу margin qar-a-yi törö-yin sitügen bolba kemejü margin жіnong cola ögbe*¹⁰³).

Это же значение термина эксплицитно проявляется, когда летописец сообщает о распространении буддизма: «Распространяли буддизм среди народа пяти цветов» (монг. *Erkin tabun öngge ulus-tur burqan-u sasin-i delgeregүlүgsen*¹⁰⁴). Алтан-хаган вместе с женой Дзонгэн-хатун во главе великого народа согласились на приезд Далай-ламы (монг. *qaуан qatun terigүten yeke ulus-iуar жіbsiyejü*¹⁰⁵), «народ пяти цветов» во главе с Алтан-ханом и Дзонгэн-хатун поклонялись стопам священного далай-ламы — украшению вершины (монг. *altan qaуан жіnggen qatun terigүten tabun öngge ulus-iуar*¹⁰⁶). В результате

⁹⁷ ETNS 2001, s. 196.

⁹⁸ ETNS 2001, s. 159.

⁹⁹ ETNS 2001, s. 161.

¹⁰⁰ ETNS 2001, s. 160.

¹⁰¹ ETNS 2001, s. 165.

¹⁰² ETNS 2001, s. 160.

¹⁰³ ETNS 2001, s. 159.

¹⁰⁴ ETNS 2001, s. 177.

¹⁰⁵ ETNS 2001, s. 184.

¹⁰⁶ ETNS 2001, s. 184.

«весь великий народ обратился в веру» (монг. *qamuу yeke ulus bisirel-i egüskeldübei*¹⁰⁷). Совместный залог глагола *egüske*[ldü]bei позволяет утверждать, что речь идет о множестве, т.е. о людях, что подтверждает и следующее сообщение: «Весь великий народ [во главе с] хаганом и ханшей прослушал о пользе обетов» (монг. *Dalai lam-a-aca qaуan qatun qamuу бүгүде yeke ulus. Darui-dur sayşabad sanvar-un aci tusa-yi sonosuуad*¹⁰⁸). Позже, в 1580 г., когда проповедническую деятельность проводил Манджушри-хутухту, «великий народ трех тумэнов собрался, великое религиозное правление сделали подобным шелковому шнуру» (монг. *Tedüi үurban түмен yeke ulus ciүлууad . Dgedü nom-un jасау-yi kib-ün janggiу-a metü üiledүgsen*¹⁰⁹).

Люди, как субъекты действия, могут *молиться* или грешить; так, монах Нилом-талада, отправившийся в Монголию, видел, как «люди, встречавшиеся на его пути, молились» (*jaуura-du jam-un [aliba] ulus mörgөгed*¹¹⁰), принимали обеты абишиг и слушали учение; в то же время, как уже отмечалось, Далай-лама «своими глазами видел, как грешит монгольский народ» (монг. *Mongуol ulus-I nigүlesküi-yin nidүн-iyer үjen*¹¹¹). Это уже вполне индивидуальные действия, присущие членам общности, обозначаемой как улус. В результате просветительской миссионерской деятельности тибетских лам буддизм распространился по всей Монголии. «Пятицветный улус повсюду (досл. „каждый“. — Т.С.) создал место поклонения» (монг. *Tabun öngge ulus tus tus бүri mörgөл-үн орон болуан abubai*¹¹²). Так, после смерти Алтан-хагана при проведении обряда парамиты перечисляются его участники: «потомки, живущие в двенадцати тумэнах, во главе со священнорожденной Дзонгин-хатун... народ пяти цветов... ханы и нойоны, золотой род сорока монголов» (монг. *arban qouar түмед-түр сауусан көбегүн acinar inu. Ariүun төрөлkitү noyincu jөnggin qatun terigүten qatalaуар. Asuru masi buyan barmaid-i тоуolasi үgei ergүн üiledbei... tabun öngge ulus-iyar buyan barmaid-i ergүн bariуad. Тауалal-iyar дөcin түмен mongуol-un qad noуad altan urуу inu. Tasural үgei buyan barmaid-i jergeber üiledbei*¹¹³).

Таким образом, в приведенных выше цитатах термином *ulus*, безусловно, обозначается народ, люди; в них, в отличие от ряда прочих, где улус выступает как объект, на который направлены действия разных акторов, народ является субъектом действия. Перечисление примеров, где народ, люди выступают субъектами действия, можно продолжить. Уже упоминались монголы, которые опасались нападения на окраинах (монг. *jaq-a-daki Mongуol ulus emiyejü yabun*¹¹⁴). Можно также вспомнить и качества, присущие людям, о которых

¹⁰⁷ ETNS 2001, s. 185.

¹⁰⁸ ETNS 2001, s. 186.

¹⁰⁹ ETNS 2001, s. 194–195.

¹¹⁰ ET 1990, p. 154.

¹¹¹ ET 1990, p. 166.

¹¹² ETNS 2001, s. 198.

¹¹³ ETNS 2001, s. 198.

¹¹⁴ ET 1990, p. 183.

говорилось выше: недостаток мудрости у монголов (Mongγol ulus) и много гордости¹¹⁵.

Но все-таки и в значении «народ, люди» улус чаще является объектом действий властвующей элиты, у которой были не только права на них в качестве господ и владельцев, но и обязанности *воспитывать, обеспечивать* мир, спокойствие и счастье людей. «Если воспитываешь свой великий народ согласно религии и светскому закону, не будет ли это заслугой того, кто назван хаганом» (монг. *narmai yeke ulus-i šasin tögö-ber tejigebesü : qaγan kemegdekü-yin γabiyu-a inu ene boluu*¹¹⁶). Юнло, рожденный матерью-монголкой, став императором в Китае, правил 22 года и благодаря двум законам «сделал весь великий народ благополучным и мирным» (монг. *narmai yeke ulus-i esen tayibing bolγaju*¹¹⁷). Его сын Суванди-хаган также «благодаря двум законам дал мир и счастье всему великому народу» (монг. *qoγar tögö-ber narmai yeke ulus-i engkejjigülün jirγayuluγad*¹¹⁸). Можно с уверенностью говорить, что термин *ulus* используется в значении народ, когда речь идет о договоре между китайцами и монголами: «Великие народы Монголии и Китая собрались, побрызгали Великому Небу и дали клятву» (монг. *Mongγol kitad qoγar yeke ulus ciγulju dabtan. Möngke tngri-dür saculi sacuju aman aldalduju*¹¹⁹). Тема заключенного договора («Установили китайско-монгольское великое торо», монг. *kitad mongγol-un yeke tögö toytaju*¹²⁰) связывается с миром и счастьем народа: оба народа были умиротворены (монг. *qoγar yeke ulus-i amuγulba*¹²¹). Отдельно выделяется установление мира среди монголов: «Великий народ зажил в мире — ноги на почве, руки на земле» (монг. *Tegsi yeke ulus köl köser-e γar γajar-a amuju*), «Сделали навсегда очень счастливым даюаньский великий народ» (монг. *Dayun yeke ulus-i ülemji masi jirγayulju*¹²²); «Установили мирное великое торо» (монг. *Dayibing yeke tögö toytaysan*¹²³).

Выше уже говорилось о том, что улус — это то, чем владеет правитель, поскольку он обозначается как *ulus-un ejen*. Одновременно с упоминаемыми выше представлениями о разделении понятий земли (*γajar* и *putuγ*) и людей (*ulus*) нельзя не отметить и существования концепта «владение», в котором эти две составляющие сочетались. Именно так, на мой взгляд, следует интерпретировать выражение *Sayang secen qong tayiji-yin ulus*¹²⁴, т.е. «владения Саган Сэцэн-хунтайджи» в местности Их шибэр. Здесь, кажется, прежде всего подчеркивается владение людьми, составившими определенную социально-политическую единицу, в связи с чем представляется корректным не давать

¹¹⁵ ET 1990, p. 166.

¹¹⁶ ET 1990, p. 184.

¹¹⁷ ET 1990, p. 186.

¹¹⁸ ET 1990, p. 187.

¹¹⁹ ETNS 2001, s. 170–171.

¹²⁰ ETNS 2001, s. 171.

¹²¹ ETNS 2001, s. 171.

¹²² ETNS 2001, s. 171.

¹²³ ETNS 2001, s. 171.

¹²⁴ ET 1990, p. 181.

перевода термина *ulus*, чтобы не затемнять значение феномена, который им обозначается, тем более что он может употребляться не с именем правителя, а с этнонимом. Чингис-хан, «изгнав Таян-хана, подчинил своей власти найманский оток улус» (монг. *Tayan qaγan-i kögejü γaγaγad : naiman otoγ ulus-i erke-dür-iyen oroγulbai*¹²⁵). Здесь употреблено парное слово (оток улус), где первое обозначает род, что подчеркивает неполитийное значение термина «улус», т.е. речь идет о властвующей элите рода Таян-хана и их подданных, которых захватывали и уводили в плен. Это подтверждается использованием этого же парного слова для обозначения группы людей, выделяемых в качестве приданого невесты, которые следовали за ней в локус жениха. За Хулан-гоа «в качестве приданого дали людей двух родов — буга и солонго» (монг. *Buqas Solongγos qoγar otoγ ulus injitei ögсiküi*¹²⁶). Употребление в данном случае этнонимов с парным словом свидетельствует, скорее всего, о том, что и здесь улус обозначает людей, народ, которые перемещаются в пространстве.

Безусловно, термином *ulus* маркируется некая общность: «Даян-хан приказал так: „Есть великий славный улус, охраняющий восемь белых юрт владыки в Ордосе. Вместе с ним [пусть будет] еще один славный улус, хранящий золотой фонд владыки — урянхан. Пусть помогает хорчинский Абагата“» (монг. *Dayan qaγan eyin jarliy bolorun : Ordos ejen-ü nayiman саγan ger-i qadayalaysan yeke jayay-a-tu ulus бүлүге : tegün-lüge Uriayangqan mön ejen-ü altan kömörgei-gi sakiγsan basa yeke jayayatu ulus : Qoorcin Abay-a-tai tuslatuγai*¹²⁷). Здесь, вероятно, улус отмечает не всю общность — урянхан, а только часть.

Если выше речь шла в основном об использовании термина «улус» для обозначения в качестве объекта действия людей или народа, то приведенные ниже примеры демонстрируют значение улуса как политики: Чингис-хан «Токмакский улус подчинил своей власти» (монг. *Toγmaγ ulus-i erke-dür-iyen oroγulbai*¹²⁸), «подчинил своей власти Китай (китайский улус. — Т.Д.)» (монг. *kitad ulus-i erke-dür oroγuluγsan*¹²⁹), «подчинил своей власти улус хоолас» (монг. *Qoolas ulus-i erke-dür-iyen oroγulbai*¹³⁰), «подчинил своей власти улус харлигуд» (монг. *Qarliγud ulus-i erke-dür-iyen oroγulbai*¹³¹) и «пять областей шара-сартулского улуса подчинил своей власти» (монг. *tabun muji Sira Sartayul ulus-i erke-dür-iyen oroγuγad*¹³²). В последнем случае политийность улуса подчеркивается территориальными коннотациями, что отмечается также и в следующем сообщении: «завоевал Хара-Тибет (Черный Тибет) — три области, восемьдесят восемь тумэнов» (монг. *γurban muji payan naiman түмен Qara Töbed ulus-i oroγulbai*¹³³), где, как видим, улус — это и территория, и лю-

¹²⁵ ЕТ 1990, р. 70.

¹²⁶ ЕТ 1990, р. 59.

¹²⁷ ЕТ 1990, р. 128.

¹²⁸ ЕТ 1990, р. 70.

¹²⁹ ЕТ 1990, р. 64.

¹³⁰ ЕТ 1990, р. 71.

¹³¹ ЕТ 1990, р. 71.

¹³² ЕТ 1990, р. 70.

¹³³ ЕТ 1990, р. 71.

ди. В аналогичной терминологии упоминается Корея: «Захватил тот Белый улус — три области Кореи» (teyin Caγan ulus γurban muji Solongγos-i oγuγulju abun¹³⁴).

Но этим термином может маркироваться и целостность, когда сообщается, что «твой улус — чахарский тумэн» (монг. ulus cinu Caγar tümen¹³⁵), и таким образом подчеркивается связь понятия ulus и с людьми, и с административной единицей.

Неопределенность значения термина ulus в полной мере проявляется в характеристике владений Даян-хана. «После этого Даян-хаган собрал и объединил шесть тумэнов-улусов и весь великий Монгольский улус сделал мирным и счастливым. Пребывал на ханском престоле 74 года и умер в возрасте 80 лет» (монг. tendece Dayan qaγan : jirγuγan tümen ulus-i jonggilan tökögircü : narbai yeke Mongγol ulus-i engkejigülün jirγaγuluγad : dalan dörben jile qan oron-dur saγuju : nayan nasun-iyān güi taulai jile tengri bolbai¹³⁶). Здесь, как видим, термином ulus обозначается как каждый из шести тумэнов, так и их общность/целостность — весь великий Монгольский улус, что позволяет, с одной стороны, предположить некую самостоятельность тумэнов, с другой стороны, недостаточно крепкое/цельное единство. Если в этом примере созданная Даян-ханом полития и ее структурные элементы обозначаются как разнородные единицы, то в следующем примере они соединены: «Даян-хаган ввел [под свою эгиду] всех — три правых [тумэна], объединил свой великий улус шести тумэнов и установил [там] порядок» (монг. tendece Dayan qaγan baraγun γurban-i burin oγuγulun : jirγuγan tümen yeke ulus-iyān tökögerün tübsidkeged¹³⁷). В результате образованная им полития называется и великий Монгольский улус, и великий шеститумэнный улус, что, по существу, свидетельствует об отсутствии твердо фиксированного наименования общности.

Это владения правителя, поскольку отмечается, что он объединил *свой* великий улус, и Мандухай и Даян-хаган «согласно обычаю сбора налогов великого улуса шести [тумэнов] сказали, нужно назначить джинонов... и в трех правых [тумэнах] назначили джиноном Улус Болада» (монг. jirγuγan yeke ulus-un alban-i γubciqi yosutu : jinong bolγan... kemegsen-dür : Ulus bolad-i baraγun γurban-dur : jinong bolγar-a¹³⁸). Хутубага говорит: «Молан хаган, я тебя убью, твой улус захвачу» (монг. Molan qaγan cimai alaju ulus-i cinu abuy-a¹³⁹).

Эта традиция — оставлять левое крыло, состоящее из трех тумэнов, в ведении верховного правителя, а три правых передавать в ведение джинона — продолжилась и после Даян-хагана. Так, автор «Шара туджи» сообщает: «Мандагул-хаган и Болху-джинон управляли собранными [ими] шестью тумэнами»¹⁴⁰

¹³⁴ ЕТ 1990, р. 59.

¹³⁵ ЕТ 1990, р. 124.

¹³⁶ ЕТ 1990, р. 130.

¹³⁷ ЕТ 1990, р. 129.

¹³⁸ ЕТ 1990, р. 124.

¹³⁹ ЕТ 1990, р. 118.

¹⁴⁰ ШТ 1957, с. 147.

(монг. *manduγul-un qaγan bolqu jinong qoγar jirγuγan tümen-ü tamtuγlan medejü*¹⁴¹). Если строго следовать монгольскому тексту, то правильнее переводить употребленные глаголы так: «разделив, ведали». Еще с XIII в. известно, что верховная власть связывается с левым крылом, в котором находится сакральный центр общности — очаг рода потомков Чингис-хана, к которому относится верховный правитель монголов. «Три восточных (левосторонних. — Т.С.) тумэна: Тумэн Чахар... Тумэн Халха — живущий в Хангай-хане... Тумэн Урянха... Три западных (правосторонних. — Т.С.) тумэна: тумэн Ордос... охраняющий гороподобную белую юрту родившегося с гордостью Эдзэна... Великий Юншиэбо... к Юншиэбо присоединив харачинов и асутов — будет один тумэн. Таковы шесть этих тумэнов»¹⁴². В XVI–XVII вв., как известно, верховная власть принадлежала чахарам, последний глава которых — Лигданхаган являлся и всемонгольским правителем. К сожалению, материалы источников не позволяют реконструировать механизм взаимодействия этих крыльев, как и характер отношений между тумэнами. Мы можем только отметить зафиксированную во всех источниках генеалогическую преемственность потомков Чингис-хана, возглавлявших эти тумэны, при этом нельзя не отметить то, что данные источников, конструирующих генеалогическое древо, расходятся. Отсутствуют какие-либо данные о наличии властных институтов государственного типа, составляющих иерархическую структуру и представляющих собой тот каркас, который формирует целостную общность, обозначаемую как «шеститумэнный монгольский улус». Напротив, она видится достаточно аморфной. Это понятие представляется скорее неким маркером, позволяющим определить границы общности, возглавляемой представителями родственной правящей группы («Золотого рода»), интересы которых не всегда совпадают.

Безусловно, *Mongγol ulus* выступает в качестве политонима в случаях, когда приводится сравнительное обозначение Монголии — прежней (сорок тумэнов) и периода XVII в. (шесть тумэнов): «если *разрушить* нынешний улус шести тумэнов, оставшихся от Монголии прежних сорока тумэнов» (монг. *erten-ü döcin tümen Mongγol ulus-aca ülegsен : eneküken jirγuγan tümen ulus-i ebdebesü*¹⁴³). И сорокатумэнный монгольский улус, и шеститумэнный являются объектами влияния внешних субъектов: их можно разделить, оставив часть, но можно и разрушить.

Приведенные примеры демонстрируют значение термина *ulus* в качестве объекта манипуляций правителя или претендента на владение этой общностью, что позволяет с достаточной уверенностью говорить об отсутствии употребления этого термина в значении «государство» в институциональном смысле, поскольку в тексте не обнаруживаются его проявления в качестве политического субъекта. Термин *ulus* не содержал нововременного представления о государстве как об относительно автономном аппарате правления,

¹⁴¹ ШТ 1957, с. 69.

¹⁴² ШТ 1957, с. 159.

¹⁴³ ЕТ 1990, р. 131.

отделенном как от личности правителя, так и от совокупности управляемых. Более того, обозначение правителя термином *ulus-un ejen* подчеркивает, что хаган воспринимает подданных как собственные владения. Немногочисленные случаи упоминания термина *ulus* как субъекта действия совершенно определено связаны с его начальным значением — народ, люди.

В заключение можно сказать, что оригинальный монгольский текст демонстрирует зачастую неопределенность значения термина *ulus*, который может одновременно интерпретироваться как аморфная масса — люди, народ и как некая форма общности — полития. Этот период характеризуется тем, что концептуальный политический лексикон, отражающий понятия и представления на верховную власть, только начинает формироваться. В отличие от средневековой Европы, где уже с XIV в. в связи с возрождением римского права стали появляться специальные сочинения, посвященные анализу природы власти и государства, в Монголии это не являлось плодом творчества теоретиков, идеи о власти нашли лишь имплицитное отражение в летописях. В связи с этим здесь, во-первых, трудно обнаружить пример безличного употребления термина *ulus*, т.е. обозначения им субъекта действия, а, во-вторых, политическая власть привязана к личности правителя. Это позволяет говорить о том, что термин не отделился от коннотаций, связанных с прежними значениями, выступающими в качестве объекта действия правителя.

Литература

- ET 1990 — Erdeni-yin tobči. ('Precious Summary'). Sarang Secen. A Mongolian Chronicle of 1662. The Urga text transcribed and edited by M. Goo, I. de Rachewltz, J.R. Krueger and B. Ulaan. Faculty of Asian Studies Monographs: New Series. No. 15. Canberra: The Australian National University, 1990.
- ETNS 2001 — *Kollmar-Paulenz K.* Erdeni tunumal neretü sudur. Die Biographie des Altan qayan der Tümed-Mongolen: Ein Beitrag zur Geschichte der religionspolitischen Beziehungen zwischen der Mongolei und Tibet im ausgehenden 16. Jahrhundert. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001.
- Кычанов 2010 — *Кычанов Е.И.* История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2010.
- ШТ 1957 — Шара туджи. Монгольская летопись XVII века / Сводный текст, перевод, введение и примечания Н.П. Шастиной. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1957.